

Г. И. ЧУЛКОВ

О мистическом анархизме

<Фрагмент>

На путях свободы

Необходимо условиться в том, *что* мы разумеем под словами *анархизм* и *мистицизм*, и объяснить выражение «*мистический анархизм*».

Под анархизмом я разумею учение о безвластии, т. е. учение о путях освобождения индивидуума от власти над ним *внешних* обязательных норм — государственных и социальных.

Под *философским анархизмом* я разумею учение о безвластии в более глубоком смысле, т. е. учение о путях освобождения индивидуума от власти над ним не только внешних форм государственности и общественности, но и всех *обязательных норм вообще* — моральных и религиозных. Наиболее ярким представителем такого философского анархизма приходится — конечно — считать Ницше¹.

Под *мистицизмом* я разумею совокупность душевных переживаний, основанных на положительном иррациональном опыте, протекающем в сфере *музыки*. Я называю *музыкой* не только искусство, открывающее в *звуковых* сочетаниях начало мелодии и гармонии, но и всякое творчество, основанное на ритме и раскрывающее нам непосредственно ноуменальную сторону мира. Таким образом, мое понимание музыки приближается к толкованию Шопенгауера, который утверждал, как известно, что «*музыка такая непосредственная объективация и снимок самой воли, каким оказывается сам мир*»². Вследствие этого мы можем смотреть на мир и *музыку* как на два различных выражения одной и той же вещи. Музыка не снимок явления, а непосредственно изображает вещь самоё в себе. Причем —

разумеется — мистический опыт, как начало музыкальное, обуславливает *утверждение личности* в ее сущности, открывая единство индивидуума с миром.

И — наконец — под *мистическим анархизмом* я разумею учение о путях последнего освобождения, которое заключает в себе *последнее утверждение личности* в начале абсолютном.

Девятнадцатый век нетерпеливо и остро поставил роковую проблему *организованной* общественности: наиболее мятежные индивидуумы торопливо отказались не только от всякой государственности, но и от всякого союза, *организованного сверху*.

«Я стремлюсь к организации общества и коллективной ответственности снизу вверх посредством свободного соединения, а не сверху вниз посредством какой-нибудь власти». (*Vacoupine. Discours. Memoire, pieces justificatives**. Стр. 28.)

Так говорил Бакунин³ и наивно верил, что этим утверждением он освобождает личность от власти**.

Все анархисты — Прудон, Кропоткин, Макс Штирнер, Мих. Бакунин и другие, даже, наконец, сам Лев Толстой⁴ — всегда рассуждали, имея в виду лишь один жизненный план, план социальный.

Кажется удивительным и неправдоподобным, что такие мыслители, как Лев Толстой и Михаил Бакунин, могли пройти мимо Музыки, мимо безумного Достоевского, — пройти мимо, не заметив нового плана жизни, который является новым путем к желанному безвластию.

Особенно это странно для Михаила Бакунина, который ведь был когда-то не только гегельянцем, но и мистиком.

Очевидно, ожидание смертной казни, тюрьма и цепь на ноге, Сибирь и полуголодные скитания с унижительным попрошайничеством изранили душу Бакунина, и дух разрушения, небытия внушил ему закрыть глаза на мистический опыт. В результате — идеал формальной свободы без внутреннего содержания: «Мы должны отдаться безраздельно разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному, идущему крещендо до тех пор,

* Бакунин. Выступления. Мемуары. Оправдательные речи.

** В настоящих «фрагментах» я совершенно не имел в виду дать критику анархизма как «социологической» системы в связи с вопросами экономики и политики. Во всяком случае считаю нужным предупредить читателя, что я не разделяю увлечений *утопического* анархизма, основанного на позитивном миропонимании. — *Примеч. авт.*

пока не останется ничего из существующих общественных форм для разрушения»*.

Но где же найти тот цемент, который свяжет индивидуумов в общины и общины в федерацию?

Макс Штирнер ничего не может предложить в качестве цемента, кроме обнаженного эгоизма, и все прочие анархисты предлагают все тот же скучный и бессмысленный эгоизм, маскируя его более или менее. Лев Толстой предлагает «любовь» — но не веет ли от нее безнадежностью холодного склепа?

Очевидно, приходится обратиться к Земле, к «*новому реализму*», отказавшись от *безличной* любви, так же как от выдуманного фальшивого штирнеровского эгоизма. <...>

Ныне ставится задача — найти пути для воссоединения свободы и последнего утверждения личности, т. е. для воссоединения плана формального с планом мистическим.

Мы должны снова прочесть книги Бакунина и других мечтателей, жадно искавших свободы, и — приняв целиком их пафос ненависти «к казенной бумаге» и к «государственной печати» — должны сделать последние выводы из их формальных отрицаний *власти*.

Русское общество в лице своих лучших представителей всегда волновалось мечтами о последнем освобождении: наши революционеры всегда *бессознательно* служили анархической идее. И даже те социалисты, которые концами уст произносят слова о «диктатуре пролетариата», являются по своей не осознанной психологии прямыми анархистами, и — быть может — они-то из всех, не переступивших грани мистицизма, самые нам близкие люди, поскольку они искренно ненавидят «*собственность*»!

Ведь около этой «проблемы собственности» поднимаются роковые вопросы о семье, о поле... Но здесь необходим уже *новый опыт*, новая психология. И — кажется — не пришло еще время говорить об этом...

Русское общество все время пытается разрешить вопрос об отрицании власти и все время скользит около темной бездны признания этой власти.

Бакунин начал борьбу с идеей государства, но, не имея никакого внутреннего опыта, ничего не мог предложить новому

* Бакунин. Письма. Изд. Драгоманова. Стр. 480–481. — *Примеч. авт.*

обществу и в конечном счете является прямым насильником с опустошенной душой.

Лев Толстой, отрицающий последовательно не только государство, но и все иные формы насилия, впадает в своеобразный мертвый морализм во имя какого-то скучного человеколюбия и тем самым не преодолевает этого мира, а, наоборот, его мало-душно принимает во всей его эмпирической раздробленности.

Ныне наступает время точнее определить наше отношение к власти и к ее источнику — миру, множественному и страдающему. Последовательный анархист должен отрицать не только всякое государство, но и самый мир, поскольку он хаотичен, множествен и смертен. Но на путях мистического анархизма имеются преграды, которые необходимо преодолеть.

Первая преграда это соблазн аскетизма.

Вторая преграда это утверждение анархизма как самоцели.

Об утверждении личности

Мистический анархизм не противопоставляет себя декадентству как *литературной* школе, но он должен и может противопоставлять себя декадентству как *психологическому* факту.

Что такое декадентство как психологический факт? Я разумею под декадентством *утверждение эмпирической личности как самоцели*. Правда, поэтам-декадентам, как и всяким поэтам, дано прозревать Красоту мира в ее непреходящем единстве, но эти прозрения — в большинстве случаев неосознанные — не влияют на личность в смысле ее утверждения как начала мистического.

Утверждение мистической личности возможно лишь в общественной. <...>

Общественность, о которой я говорю, не всегда совпадает с той *формальной* общественностью, которая имеет место в плане внешних человеческих отношений, однако есть момент, где эти две общественности соприкасаются. Выражая эту идею в математических символах, мы предложим мысленно начертить две касающиеся окружности: если малая окружность, символизирующая общественность формальную, будет *вписана* в большую окружность, символизирующую общественность мистическую, то точка касания этих окружностей будет выражать момент совпадения свободы формальной с мистической свободой.

Так индивидуум, если он в движении, если он активен, совершает свой путь из свободы к свободе чрез эмпирический мир, в котором обычно нет совпадений плана формального с планом мистическим, но в момент *чуда* это желанное совпадение происходит.

Идея *чуда* предполагает его *единство*. Для личности в мире может раскрыться только *одно* чудо. Чудо в смысле повторного нарушения феноменального порядка есть противоречие само в себе. Два чуда — абсурд, потому что два чуда есть уже не чудо, а закон.

К единому чуду есть единый путь — чрез мистический опыт и чрез свободу. Я называю этот *путь* мистическим анархизмом. Таким образом, очевидно, что мистический анархизм не является законченным мирозерцанием, но он вводит нас в сферу Музыки. <...>

Новая общественность строится на начале *влюбленности*. И здесь есть некоторое совпадение с романтизмом, который называл музыку «искусством любви». Нам кажется знаменательным, что современные поэты мечтают, как романтики, о «Вечной Женственности», о «Мировой Душе», которую смутно прозревал Шеллинг⁵ и которую *знал* Влад. Соловьев.

Мир является для нас «становящимся божеством», в нем открывается свобода. История, как отблеск мирового целого, также раскрывает в себе ту же желанную свободу. Эмпирического мира мы не презираем, как презирали его христиане монашествующие: за личиною смертности и страдания мы видим начало Вечной Гармонии, — и наше неприятие мира характеризуется последним утверждением Мировой Красоты. <...>

Личность утверждает себя в музыке. Ранее мы указывали, что личность утверждает себя в общественности. Это не противоречие, а усиление одной и той же основной идеи.

Общественность есть наиболее желанная форма, внутри которой полагается начало музыкальному творчеству.

Но для окончательного утверждения личности необходима борьба и преодоление. Эта борьба начинается в плане эмпирического мира и переносится в мир трансцендентный. В противоположность буддизму в новом религиозном сознании открывается для личности жизнедеятельность богоборческого характера. <...>

Если мистический анархизм — путь к религиозному действию, то необходимо признать его путем опасным, кремнистым⁶ —

в противоположность буддизму, который предлагает путь безопасный, «*срединный*».

«О, братья! — поучает одна из легенд о Будде, — в две крайности не должен впадать человек, вступивший на путь! Одна из них в страстях... Другая в собственном истязании... Совершенный, обойдя обе эти крайности, уразумел срединный путь, дающий прозрение, знание, ведущий к успокоению, высшему уразумению, нирване».

Мистический анархизм — путь крайний, на краю бездны; эта бездна опасности заключается в непрестанной возможности принять голос эмпирического *я* за веление *я* мистического. <...>

Наша жизнь проходит в непрестанном касании к власти, источник которой лежит в изначальном отпадении этого множественного мира от вечной любви и свободы. Не во имя нравственного долга как начала лежащего вне нас, а во имя нашей личности, стремящейся найти полноту своего *я* в союзе с любовью и свободой, мы должны превратить нашу жизнь в неустанную борьбу с властью. Наша непримиримость обусловлена сознанием нашего единства с Премудростью: всякое *механическое* начало в истории и в космосе нам равно ненавистно, будет ли оно проявляться как «государство», — или как «социальный порядок», — или как «законы природы». Мы можем быть «политиками», но только в обратном смысле, т. е. мы должны участвовать в политической жизни, поскольку она динамична и революционна, поскольку она *разрушает* государственные нормы; и в социальной борьбе мы должны участвовать, поскольку дело идет о разрушении того порядка, который экономически закрепощает личность, но всякое строительство, политическое и социальное, недопустимо, с нашей точки зрения: наши построения совершаются *вне* механических отношений. Такова схема «теории прогресса», которая объясняет нашу позицию вечных воителей с «венцом кесаря».

«Свобода, равенство и братство уже давно не имеют того значения, как в бывшие дни гильотины, — пишет Ибсен. — Вот этого-то политики и не хотят понять... Эти люди стремятся только к внешним, политическим переворотам. Но... дело идет теперь о возмущении человеческого духа»⁷.

«Государство — проклятие личности! Долой государство! С такой революцией я согласен. Подрывай понятие государственности, пусть добровольное соглашение и духовное родство будет единственной основой для соединения людей и тогда наступит

свобода, для которой действительно стоит жить!» (Письмо Ибсена к Брандесу.)⁸

Так падение государства — вот *первая* победа грядущего человека. Но мы не забудем и *последней* цели.

«Разве вы не видите, — говорит Ульф-гейм, — что над головами у нас собирается буря? Не слышите, как насвистывает?» — и Рубек, *прислушиваясь*, отвечает: «Точно *прелюдия ко дню восстания из мертвых*»⁹.

«Пробуждение мертвых»! — Если христиане переносили свою надежду в мир трансцендентный и самое преобразование земли мыслили как преобразование ее в мир *духовный*, — мы — современные «искатели и зачинатели» — представляем себе будущий мир как восстановление истинной реальности и свою надежду связываем с утвержденной и оправданной землей. Мы не бежим, как аскеты, от поруганного и страдающего мира, но видим в хаосе возможность единой красоты и участвуем *в жизни*, как сыны земли.

«Над головами у нас собирается буря!» — и в этой бури мы слышим радостный голос Премудрости («веселие Бога»). Это Она веселится «в сынах человеческих»¹⁰.

И поскольку мы слышим голос извечной Свободы, мы участвуем в новой жизни: мы не «декаденты», не завершители старого мира, а «зачинатели» нового творчества...

